

Виктория Трелина

**ЖИЛА—БЫЛА
ДЕВОЧКА**

повесть о детстве, прошедшем
в СССР

Виктория Трелина
Жила-была девочка

«Издательские решения»

2015

Трелина В.

Жила-была девочка / В. Трелина — «Издательские решения», 2015

Повесть основана на реальных событиях, дающих возможность читателю определённой возрастной категории вновь погрузиться в своё советское детство и постперестроечную юность. Произведение вызывает приятную ностальгию и добрые позитивные эмоции. У читателя складывается впечатление перемещения в эпоху 80—90-х годов.

© Трелина В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Предисловие	6
Маленькое начало большой жизни	8
Белая гора, жёлтая гармошка и розовый человечек	9
Раскладушка, крокодил Гена и Олимпийский мишка	11
Райсобес, керогаз и электричка	13
«Домик над рекою, в окнах огонёк...»	15
Дед Мороз, красный нос табуреточку принёс...	18
Магия родного дома и настоящая дружба	20
Мы переезжаем	26
Жизнь в общежитии и ночи без взрослых	29
Ветрянка, дедушка Ленин и Джоконда над креслом	31
Игра в больницу	33
Мне теперь не до игрушек...	35
«В первый погожий сентябрьский денёк...»	37
«В школьное окно смотрят облака,	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Жила-была девочка
повесть о детстве, прошедшем в СССР
Виктория Трелина

© Виктория Трелина, 2015

© Василий Дмитриевич Безгинов, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Памяти моих дорогих бабушки и дедушки посвящена эта книга.

Если скажут слово «родина»,
Сразу в памяти встаёт
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот...

А что встаёт у Вас в памяти, когда вы читаете эти строчки. У меня – букварь. Тот самый – синенький с буквой «А», которую бережно обнимают девочка и мальчик в школьной форме. У кого из нас он сохранился? А ведь нам всем его дарили первого сентября... На память.

Ах, память, память.... Стоит услышать по радио, неожиданно вновь ставшие популярными, строчки про «Комарово», или, забирая дочку из садика, вдохнуть, чудом уцелевший, запах «столовки», и вот уже перед глазами, словно кадры из фильма побежали картинки. Эта плёнка не очень старая, и даже уже цветная. Но всё же, заброшенная: кое-где потёртая временем, местами на ней не разобрать лиц. А ещё она порвана на части, да и части эти с вырезанными и затерявшимися кусочками. Но всё-таки, она хранится у всех нас в сердце. У нас – незаметно и совсем недавно повзрослевших, девчонок и мальчишек.

Я обращаюсь к поколению 80-х. К поколению, которое носило варежки и шапки на резинке. К поколению, которое брало в школьной библиотеке книжку «Ленин и дети» для урока внеклассного чтения и давало «честное октябрятское», держась за звёздочку на своей груди. К поколению, «перепрыгнувшему» четвёртый класс. К тем, у которых в левом уголке зеркала, крепившегося на открывающуюся дверцу шкафа, была наклеена «переводнушка» – девочка с мячиком или собачка в зелёной траве. К тем, чьи родители часто повторяли непонятное слово «перестройка». К тем, кто помнит передачу «Будильник», кто крутил «пятнашки» на резиночке, запутанной вокруг ног одноклассниц. К тем, кто мечтал поехать на программу «Звёздный час», и писал письма в журнал «Мурзилка». К поколению, которое собирало наклейки из жвачек с Барби и клеивало их в жёлтую книжечку с вожделенной куклой на обложке, мечтая получить за это настоящую американскую красавицу (до мечты, как правило, не доставало два-три вкладыша). К тем, кого бабушки заставляли пить заряженную Чумаком воду. Кто хоть раз видел в небе что-то похожее на НЛО, и лепил на потные ладони монетки с радостным воплем: «Держится», кто вызывал дух черного короля в тёмном туалете. Кто утюгом клеил на свою футболку, выпрошенные у друга, обёртки от первых «Сникерсов» и вафель «Кукурузу». К тем, кто ждал воскресенья, чтобы целый час – с пяти до шести наслаждаться приключениями Чипа, Дейла и утят. Кто на переменках пересказывал друг другу серии «Богатых...». И, забросив модные чёрные дипломаты, носил учебники в пакете с изображением Иден Кепфал и Круза Костилио. Поколению, которое, обливаясь слезами, переписывало в песенник «Ковыляй потихонечку». Которое, подставив магнитофон к радио, и приложив палец к губам, через микрофон записывало песню «Ох, Лёх, Лёха, мне без тебя так плохо». Ко всем, кто клал под подушку фото мальчиков из группы «На-на». А позже в анкете одноклассницы на вопрос: «твой любимый певец» отвечал: Андрей Губин. К тем, чью школьную форму, заменили юбки плиссировки и джинсы «мальвины» с вышивкой на заднем кармане. Кто знает не понаслышке, что такое капор и куртка Аляска. К тем, кто хоть раз зашивал дырки на чёрных в горошек тапочках и мокалинах с зонтиками, с завидной периодичностью, появляющиеся на месте больших пальцев.

Я обращаюсь к вам, девчонки и мальчишки, получившие паспорт в девяностых. Я знаю – нас очень много. Давайте вместе посмотрим картинки нашего с вами общего детства. Только

ни на диске, ни в интернете. Все-таки это относительно старая плёнка. В то время была другая культура и техника: пластинки, кассеты, диафильмы и, конечно, книги. Книга, которую вы держите в руках, послужит вам той машиной времени, в которую все мы когда-то верили

Если Вы узнаете себя на этих страницах. ... А, в общем-то, по-другому и не может быть.

Виктория Трелина

Маленькое начало большой жизни

Я машу ножкой, от этого колготки на коленке морщатся, а курица недовольно урчит себе под нос. Сзади хлопает дверь – это из хаты вышел дедушка. Я хочу посмотреть на его доброе лицо и густые серые брови. Почему-то мне приятно смотреть на дедушку, в такие минуты я чувствую себя спокойно и защищено. Мне очень неудобно поворачиваться, начинают звенеть погремушки, а коляска норовит опрокинуться, мама кидается поправлять на мне шапочку с пахнущими молоком извилистыми тесёмками. Дедушкино лицо возникает впереди, а его большая шершавая рука подаёт мне длинную конфету-карандаш в полосато-красной обёртке. Но тут уже мамина рука, появляясь откуда-то сзади, отбирает у меня конфету, а мамин голос говорит что-то про зубы и сладости. Я чувствую вкус собственных слёз, и слышу свой крик. Кажется, я плачу. Да, я плачу. Мне обидно. Я даже не успела пожевать шелестящий кончик обёртки. Почему взрослые всегда ведут себя так странно? Всё, я хочу спать! Я всегда засыпаю, после того, как поплачу...

Белая гора, жёлтая гармошка и розовый человечек

Район города, где живём мы с мамой, называется очень красиво – Белая гора. Заходя в большой жёлтый автобус, я громко говорю водителю: «нам до Белой горы» и с гордостью смотрю по сторонам. Я делаю так каждый вечер. Люди начинают улыбаться. Я хочу пройти на своё любимое место – на круг. Он находится прямо на полу в самом центре автобуса, и всё время легонько вращается под ногами, а на поворотах надо обязательно держаться за белую ручку или за большое колесо, которое стоит тут же – на круге. Иначе можно упасть.

Мама не любит, когда я еду на круге (она называет его гармошка) и когда объявляю всем, что мы живём на Белой горе. Я чувствую это по тому, как торопливо она тянет меня за руку по салону. Я выглядываю из-за её спины, надеясь, что свободных мест не окажется, и тогда маме всё же придётся ехать на гармошке, потому что там всегда меньше людей, а она от них очень устала за день. Это она сама всегда так говорит, а ещё она часто повторяет задумчиво: «мне кажется, что мне триста лет». Я не понимаю, почему ей так кажется. Ведь человеку не может быть столько. Ему может быть шестьдесят, как дедушке, или тридцать, как дяде Васе, а может быть три, как моей двоюродной сестре Нинке – дяди Васиной дочке. А ещё человеку может быть пять лет, именно столько мне исполнится в октябре или в ноябре, точно не помню. В общем, это будет следующей осенью, а сейчас, видимо, зима, потому, что все пассажиры в шапках, а кое-где на дорогах я сегодня видела грязный снег. Здесь в городе снег почти всегда грязный. Вот в деревне я всегда могу определить время года. Зимой там белый пушистый снег, который шапками лежит на крышах и на скамейке, осенью вместо снега везде жёлтые яркие листья, а летом вокруг всё зелёное-презелёное, бабушка каждый день лепит вареники с ягодами, а на пасеке жужжат пчёлы.

В деревне у меня есть кошка, кролики и качели. Качели сделал дедушка, которому шестьдесят лет, и бабушке тоже столько же, потому что они родились в один год. Я это много раз слышала – они всегда со мной разговаривают обо всём, и всё, что я прошу, повторяют много раз.

А мама почти всё время молчит, а «повторять всё по сто раз» тем более не любит. Сколько, на самом деле лет, маме, я не знаю, она никогда не говорила про это. Мне даже кажется, что она сама забыла. Помнит только, что она «младшая сестра дяди Васи». Значит, когда-то ей тоже будет тридцать лет. Наверное, это почти триста, потому что очень похоже звучит.

Дядя Вася – мне дядя, а Нинке – папа. Когда я бываю в деревне, он приезжает из города вместе с моей мамой на выходные. Нинку с собой берет очень редко, потому что она ещё маленькая, и плохо переносит транспорт. Я уже большая и транспорт переносу хорошо. Мы с дядей Васей играем в паровозик и подъёмный кран – он катает меня на плечах и качает на ноге. А ещё он привозит мне шоколадки в зелёной обёртке. На ней нарисован старик в лаптях и золотая рыбка в короне. Я знаю эту сказку. Мне читал её дедушка. Наверное, в городе дядя Вася возит на плечах Нинку и носит ей шоколадки, ведь она ему дочка. Но я этого не вижу, и мне кажется, что меня он любит больше, ведь у меня нет своего папы. Из-за этого меня всё время жалеет бабушка. «По себе знаю, – говорит, – плохо без отца расти». Я киваю головой, и вздыхаю, облизывая шоколадные пальцы. Зачем мне спорить с бабушкой? Это некрасиво. Да я ещё и не смогу ей объяснить, что мне очень хорошо живётся, у меня есть дедушка и дядя Вася, есть мама, бабушка и Нянька – она, кажется, бабушкина тётя, а может быть сестра. Есть маленькая Нинка, которая всегда живёт в городе, и даже есть настоящая подруга – Маринка. И ещё много-много родственников: тётя Римма – Нинкина мама, которая приезжает сажать картошку. Бабушка Маруся из Харькова, которая каждую осень собирает шиповник. Тётя Лена из Курска, она привозит мне красивые платья. Дед Вася из Ростова, он подарил мне когда-

то сразу трёх кукол. Он – дедушкин брат, когда он приезжает, они с дедушкой очень долго играют в шахматы. Сидят за столом и оба молчат, подперев щеки ладонями. Ещё есть дедушка Лёня и баба Зина, есть баба Паша, два дяди: Вова и Серёжа и четыре тёти: Таня, Оля, Валя и Катя. Все эти тёти-дяди, дедушки и бабушки гостят у нас в деревне поочерёдно или все вместе каждое лето. Все возят мне игрушки и сладости, все разговаривают со мной, потому что я самый маленький член семьи. А зачем в семье нужен папа я совсем не понимаю. Мне кажется, папа – это что-то лишнее. Если бы у меня был свой папа, я бы, наверное, не смогла его любить.

Свободное место в автобусе, к моему сожалению, всё-таки нашлось, но я не долго расстраиваюсь, потому что прямо над ним висит железный ящичек с ручкой – компостер, а это значит, что я всю дорогу буду пробивать дырочки на розовых талончиках всем пассажирам. Я знаю, что такой расклад маме снова не нравится. Но ведь, я не виновата, она сама выбрала это место, поэтому я со спокойной совестью непрерывно жму на железную ручку, и чтобы угодить маме, делаю вид, что мне это не доставляет, ни малейшего удовольствия. Вообще я заметила, что взрослым всегда не нравится то, что наиболее интересно. Например, в автобусе просто так ехать скучно, а гармошка, компостер и столько много людей вокруг для того и созданы, чтобы было веселее. Но мама говорит, что ехать на круге – опасно, пробивать талоны – утомительно, а громко разговаривать и разглядывать пассажиров – неприлично. Я верчу в руках мамин талончик, поднимаю и опускаю пробитые бумажные кружочки над дырочками – это глазки. Розовой человечек с четырьмя круглыми глазками по очереди открывает их.

– Не тереби билетик – порвёшь, – мама кладёт человечка к себе в сумку.

Раскладушка, крокодил Гена и Олимпийский мишка

На Белой горе мы живем в сарае. Так говорит мама. Я ей не верю, потому что знаю, что в сараях пахнет дровами, а на полу лежит солома, там живут коровы или хранятся всякие старые вещи в запylённых сумках, сшитых из разноцветных лоскутков. У нас в деревне много сараев. Все они по-разному называются. Два для коровы, зимний и летний – это коровники. Один для кур – курник. Один для пчёл – омшаник. Один для поросёнка – свинарник. Один для картошки – погреб. Сарай для дедушкиного москвича называется – гараж. Ещё есть сарай для угля и лопат, для зерна в бочках, для старых журналов, ненужной одежды и алюминиевых тазов. А в моём любимом сарае, который называется мастерская, по стене развешены молотки, напильники, плоскогубцы и клещи, а на бесчисленных полочках в консервных банках лежат гвозди, гайки, разные винтики и болтики. Я люблю смотреть, как дедушка работает в мастерской. Я ему помогаю. «Внуч, подай плоскогубцы», – говорит дедушка. Или «внуч, принеси из хаты очки». Он всегда называет меня «внучей». Я несу плоскогубцы, и горжусь тем, что знаю название всех инструментов, или несусь в дом за очками в треснутой оправе из жёлтого стекла. Иногда в мастерской я сама забиваю гвоздики в маленькие дощечки настоящим молотком. Дедушка никогда меня не ругает и всё разрешает. Только когда включается токарный станок, мне приходится уходить во двор. «Внуч, отойди подальше», – кричит из сарая дедушка, и нажимает кнопку. Тут же по двору разносится оглушительный трещащий звук, я стою возле погреба и заморожено смотрю на огненные салютики, вылетающие из сарая. После такой процедуры в ящике под станком появляются тёплые мягкие опилки, прошлым летом в них окотилась кошка, и дедушка не пользовался станком, пока у котят не открылись глазки. Мы с бабушкой перенесли котят на летнюю кухню в железном тазу, и пока я закрывала им ушки старым полотенцем, чтобы маленькие зверьки не испугались громкого треска, издаваемого станком, дедушка, соскучившийся по мастерской, делал им домик – ящик с большим квадратным окошком.

А наш домик на Белой горе на сарай совсем не похож, в нём чисто и мало вещей. Один стол, один стул, печка, моя маленькая кровать и мамина большая. Мама с порога, не раздеваясь, начинает топить печку, а меня просит не путаться под ногами и не бегать по полу, потому что, если не разуваться – он будет затоптанный, а если разуться – ледяной. Поэтому, когда я дома, я всегда сижу на «большой» кровати с ногами в суконных носках. Здесь у меня целый мир: зелёный в цветочек пододеяльник – это поляна с подушкой – холмиком, синий ромбик посередине – озеро, в нём живёт крокодил Гена, в оранжевом не снимающемся свитере. Вернее, свитер снять можно, но он пластмассовый и снимается только вместе с туловищем, ещё у Гены вынимается глаз – белый кружочек с чёрным зрачком. Второй глаз давно вынул и благополучно закатился под крыльцо ещё в начале зимы. Мама сказала, что достать не получится, но я знаю, что, маме просто лень, и когда приедет дедушка, он обязательно достанет глаз.

Правда дедушка приезжает к нам редко и ненадолго. Наверное, потому, что у нас негде спать и нечего есть. Дедушка любит есть и спать. С утра в деревне он чистит в свинарнике, отводит на луг телёнка, приносит в хату воды, и уже из сеней шумно заноса вёдра, кричит, притворяясь обиженным и очень голодным: «Лида, я есть хочу». Лидой зовут мою бабушку. Она тоже вступает в игру, и, подмигивая мне, причитает: «Дед, куда ж столько-то есть? Глянь пузо уже какое», а сама между тем несёт на стол борщ, с дымящимся квадратным куском мяса, серого в мелкую ниточку и картошку, посыпанную зелёным луком. Ставит на газету большую миску, накрытую другой миской, я заглядываю вовнутрь – там ладики. Вообще-то такого названия нет, а маленькие толстые блинчики правильно называются – оладьи. Их едят со сметаной. Но это у меня в садике, а там – у бабушки в деревне со смешным названием Малояблоново, все

едят именно ладики, а не оладьи, чибрики, а не пончики, и все знают, чем отличаются блины от блинцов.

После еды дедушка, шумно выдыхает «Охо-хо-хо-хо», и довольно улыбается. Я знаю, что сейчас он пойдёт отдыхать в свою комнату. Включит коричнево-жёлтый приёмник с двигающейся красной полосочкой, возьмёт газету. Потом свернёт её в трубочку и пару раз стукнет по мухам, отрывисто произнося «Оп-па». Потом уляжется на левый бок, довольно кряхтя, и только после этого обнаружит, что очки остались в мастерской. «Внуч...», – позовёт он. И мне всё становится понятно. Я бегу за очками, оставляя открытыми все сеничные двери, мне навстречу наперегонки в хату бегут три кошки, стуча лапами по дощатому полу.

Дедушка читает некоторое время, а потом откладывает газету, и закрывает глаза, громко шипит и завывает приёмник. Я прислушиваюсь, безуспешно пытаюсь разобрать хоть какие-то слова. Кажется, надо настроить волну. Но мы с бабушкой ходим по хате на цыпочках и не трогаем приёмник, до тех пор, пока в очередной раз из дедушкиной комнаты не раздастся: «Внуч, выключи»...

Так бывает всегда в деревне.

А когда дедушка приезжал к нам с мамой на Белую гору, он долго рубил дрова во дворе, а потом отдыхал на стуле, и пил чай с печеньем из большой чашки с медвежонком. Эта чашка у нас одна, и поэтому мы пьём по очереди. У медвежонка на выпуклом животике пять колечек. Я знаю, что такой мишка называется «олимпийский». Интересно, почему? Я не хочу спрашивать это у мамы, потому что она и так очень устаёт на работе, я спрошу у дедушки. В этот раз я забыла спросить его об этом, потому что мне было не по себе, от того, что он так мало поел и совсем не отдохнул. Он устало улыбался и говорил маме: «посуды дома полно, а вы здесь из одной чашки пьёте», а мама говорила, что у неё и так мало места. И, что как-нибудь перезимуем и с одной чашкой. Мне было стыдно за то, что у нас «мало места». Я предложила дедушке отдохнуть на «большой кровати». Он заулыбался и погладил меня по голове.

– Почему дедушка смеялся? – спрашиваю я у мамы.

– Потому что твоя «большая кровать» – это ржавая раскладушка, – почему-то грустно отвечает она.

Райсобес, керогаз и электричка Зимовать с одной чашкой мне не приходится

В детском саду мы репетируем танец хлопушек, танцую в актовом зале вокруг вымышленной ёлки. Вечером воспитательница показывает всем мамам «шапочку хлопушки», которую надо сделать. «Картонный цилиндр заворачиваете в фольгу или в цветную бумагу, как конфетку», – повторяет она каждой маме, – и принесите по десять копеек на хлопушки для финального хлопка, не бойтесь, хлопушка при правильном использовании совершенно безопасна, а десять копеек – это недорого». Я не знаю, что такое хлопушка, но видимо она не совсем безопасна, а может быть, десять копеек – не так уж и «недорого», или маме просто не хочется делать шапочку, но всю дорогу мы молчим, и мама сильнее обычного тянет меня за руку

Мы подходим к дому-сарая, на крыльце нас ждёт дедушка. Я с разбега кидаюсь к нему, на ходу сбавляя скорость, чтобы не наступить на его ногу, на которую он всегда прихрамывал.

– Тише, тише, внуча, – дедушка смеётся и гладит меня по спине большой нестибающей замшевой рукавицей на меху.

– Па, чего ты не зашёл? Ключ же есть, – видно, что мама тоже обрадовалась.

– Да, я заходил: замерз, вышел погреться, – шутит дедушка.

Мы заходим в дом, света нет, где-то перемёрзли какие-то провода, изо рта идёт пар. Мы стоим посреди комнаты, не снимая шапок, и дышим, втянув головы в воротники, как три пингвина полярной ночью.

Мама с бабушкой говорят о каком-то срочном деле, это видно потому, что разговор проходит стоя, и слова краткие и одиночные: «Да, нет, скоро, на месяц, сразу, не откладывай, потопись, морозы». Я ловлю интонацию каждого слова и чувствую, что дедушка вот-вот закончит разговор и уедет туда, где приветливо горит жёлтый свет в окошке, где шумит приёмник и мурлычет котёнок. Туда, где уютно пахнет пирогами и по телевизору показывают мультик про почтальона Печкина, туда, где можно спрятаться в шифоньер и под кровать, и в сундук со скатертями, туда, где свет, звуки, запахи, тепло и жизнь, а я останусь здесь в тишине, темноте и холоде делать шапочку хлопушки для странного танца. Мне обидно, к горлу подступают слёзы.

– Мама, я хочу поехать с бабушкой, – робко произношу я, когда возникает пауза. Я очень боюсь, что мама скажет: «А как же садик? А танец? А репетиции?» Ведь детям нельзя не ходить в садик, как и взрослым – на работу. Так заведено. Интересно кем? Почему люди всё время должны делать то, что им не нравится? Кому от этого лучше? Мама очень устаёт на работе, и ненавидит топить печку в нашем доме-сарая, я не люблю ходить в детский сад и не понимаю, почему нельзя просто уехать в деревню, туда, где никто никому ничего не должен, где можно не вставать в пять утра, не чистить зубы, не делать картонные шапочки. Мама с бабушкой переглянулись. Мне не сказали «Нет». Я поняла, что ещё чуть-чуть и всё получится. От счастья, что сегодня я буду спать в деревне на любимой перине, у меня потекли слёзы. Но ведь плакать от счастья – это ненормально, поэтому я тут же притворяюсь расстроенной, как будто не сообщая, что взрослые уже почти согласны. Я реву. Бабушка всегда говорит мне: «Москва слезам не верит». Я не понимаю этой фразы, но знаю, что слезами можно добиться практически невозможного. А уж если всё и так складывается удачно, слёзы никогда не помешают.

– Собирайся, внуча, – дедушка не стал ждать маминого согласия. И мама, даже обрадовалась, что ей не пришлось отвечать, это заметно.

Я не могу сдержать радостную улыбку. И, понимая, как глупо выглядит улыбка вместе со слезами, изо всех сил хмурю брови, чтобы не выглядеть смешной и слишком счастливой.

Через час мы с бабушкой уже сидим в электричке на жёсткой скамейке со спинкой из тоненьких лакированных дощечек. За окном уже почти ночь. В вагоне горит лампочка, она иногда подрагивает и притухает, тогда через замёрзшие стёкла видны огоньки – это удаляется наш город. У меня в руках пирожок с мясом из привокзального буфета. Он безумно вкусный, по большей части потому, что мама никогда не покупает мне еду в дороге. То ей «руки не мытые», то «непонятно из чего эти пирожки пекут», то «денег нет». Я кладу в карман пальто промасленную белую ленточку, в которую был завернут пирожок и берусь за него «немытыми руками», выразительно смотрю на бабушку. Он не ругает меня ни за руки, ни за карман. Он смотрит и улыбается. Я, с набитым ртом, спрашиваю про олимпийского мишку. Бабушка рассказывает мне про спорт, про олимпиаду, про уроки физкультуры, про школьные эстафеты, про походы, про своих бывших учеников.

– Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич! – здоровается один из них, и садится рядом с нами.

– Здравствуй Сергей! – улыбается бабушка, – Домой?

– Да, на праздники, в родные края, – отвечает, по привычке краснея, бывший троечник Сергей – высокий дядя с чёрными усами.

Я дышу в обледелое стекло вагона, стараясь сделать ровную чёрную дырочку, бабушка беседует с Сергеем о том, где будут строить новый райсобес. Райсобес, сельсовет, керогаз – такие непонятные и восхитительные слова. Мама не знает таких слов. Как всё-таки хорошо, спокойно и уютно и всё совсем по-другому там в деревне.

Чтобы дырочка на окне была абсолютно круглая и красивая, мне приходится дотрагиваться до стекла губами и иногда даже языком. Я чувствую, как на зубах хрустят мокрые ледяные пылинки. С мамой я никогда в жизни бы не узнала неповторимый вкус мороза на вагонном стекле.

Вот это свобода!

«Домик над рекою, в окнах огонёк...»

Из электрички мы выходим на районный железнодорожный вокзал. Здесь продаются огромные и всегда горячие булочки с маком. Мы с дедушкой покупаем целый пакет этих булочек и ещё пять бутылок лимонада с полукруглыми этикетками на стеклянном боку. Мама не покупает там много вкусного сразу. В гастрономе по дороге из садика мы с ней берём только половинку черного хлеба и треугольный пакетик молока. Мы с дедушкой медленно идём на автостанцию. Дедушка никогда не спешит и не тянет меня за руку, да у него и не выйдет – в одной руке он несёт сумку, а другой опирается на коричневую палочку, сделанную буквой «Г». Когда была война, моего дедушку ранило в ногу, и теперь он всегда ходит с этой палкой. На автостанции мы очень долго ждём автобус. За это время успеваем два раза рассказать стишок про зиму, которая злится даром, и учимся ориентироваться по часам. Мне кажется, что уже глубокая ночь, но дедушка говорит «Восемь вечера». И правда, я вижу, как маленькая стрелка указывает на цифру восемь. Я люблю гулять по темноте. Зимой темнота наступает очень рано, даже, когда мама забирает меня из детского сада на улицах уже темно. Когда темно, весь мир кажется каким-то сказочным и добрым. Вот подъезжает сказочный автобус-невидимка, видно только два огонька. Дедушка говорит, что это «наш» автобус. Я не знаю, как он всегда безошибочно определяет «наш» автобус. Это трудно понять даже если на улице светло. Они здесь, в деревне, все одинаково пузатые, короткие и без номерков. Возле автобуса уже столпились люди, когда мы подходим, все здороваются с дедушкой и пропускают нас вперёд. Какая-то тётя в коричневом платке даёт мне конфету. Я никого не знаю, но зато все знают меня и говорят дедушке, какая я уже выросла большая.

Едем мы долго. Я даже успеваю задремать. Вообще-то я не хочу спать, а хочу посмотреть в окошко. Но там совсем темно, ни огонька, только белый снег на полях. В салоне автобуса тоже темно. На лица пассажиров падает еле заметный свет от снега, и всё кругом кажется чёрно-серым. Автобус покачивается и гудит, люди тихо переговариваются каждый о своём, и мне кажется, что люди гудят, как пчёлы в улье. У меня под головой дедушкина рука в сером, пахнущем прополисом пальто, а под ногами горячая печка. Мне снится наша пасека, рой пчёл на акации, и дедушка в смешной шапке с сеткой на лице. Я когда-то примерила на себя эту сетку, через неё очень плохо видно. А через дедушкины очки вообще всё становится мутным. Я мечтаю, стать взрослой, чтобы научиться хорошо видеть в очках и в сетке для пчёл.

Мы выходим из автобуса где-то посреди поля. Мне немного холодно спростоня, и я не понимаю, где мы находимся. Я верчусь, пытаюсь увидеть красную треугольную крышу здания с названием спецхоз. С него начинается наша деревня. Там заканчивается асфальт и в любое время года дорога становится мягкой и бугристой, потому что по ней ездят трактора, а у них очень большие колёса, выше меня ростом. Когда я в прошлый раз ехала в деревню, мы с дедушкой около спецхоза переобувались в резиновые сапоги. А свою обувь несли в красной сетке-авоське. На сапоги со всех сторон налипала грязь, и ноги были похожи на головы кучерявых тёт. Мне даже было жалко мыть их в луже. Сегодня мы идём, не переобуваясь, дедушка сказал: «На дворе морозец». Морозец заморозил грязь, а вьюга припорошила её снегом. «Ни ветер бушует над бором, ни с гор побежали ручьи, мороз-воевода дозором обходит владенья свои», – рассказываем мы с дедушкой в один голос. Я не понимаю, что такое «над бором», не знаю слов: «воевода», «дозором» и «владенья». Но всё равно стишок мне очень нравится. Я давно знаю его наизусть, хотя его учат только в школе взрослые дети с учителями. Но у меня есть свой учитель, поэтому я знаю все буквы и много стихов. «Вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой...». Тут мне всё понятно. Это мой любимый стих, когда я его рассказываю, у меня щекочет в горле, я представляю свои санки из розовых дощечек, к которым прилипли опилки, а в носу у меня стоит запах теста, которое «подходит» на печке,

такой кисленький и волнующий. У меня всегда так бывает, когда я рассказываю дедушкины стихи. Только картинки я представляю неодинаковые, и запахи чувствую разные. «Домик над рекою, в окнах огонёк, светлой полосой на воду он лёг», и вот перед глазами встаёт наш домик с синей калиткой и желтым окошком. Это бабушка включила свет, и варит манную кашу, жёлтую и густую, которую кладут кусочками в глубокую тарелку, а молоко наливают сверху. На некоторых кусочках коричневые полосочки, в этих местах, где каша чуть-чуть пригорела, она самая вкусная. Запах каши врежется в память. «Ждут и не дождутся в доме рыбака, обещал вернуться через два денька, но прошёл и третий, а его всё нет, ждут напрасно дети, ждёт и старый дед». Мне не нравится эта грустная строчка, и не нравится слово «Дед». Никогда не буду так называть своего дедушку.

Наш дом в самом конце деревни. На этом краю нет ни одного фонаря. Мы сворачиваем за угол и ступаем в полную темноту. Из-за своих заборов лают собаки. А вон вдалеке и наше окошко, «в окнах огонёк». Там нас ждёт бабушка. Я разгоняюсь и бегу по темноте, и слышу только скрип снега под ногами. Больше никаких звуков и картинок. Тишина и темнота, только мои шаги и моё жёлтое окошко. Это похоже на сказку.

Калитка у нас железная и тяжёлая, я открываю её привычным движением, она отвечает мне таким знакомым писком. Гостеприимно распахивается и бабах – ударяется о забор. Я так люблю этот звук. Его слышно отовсюду: из хаты, с огорода, из сада. Услышав его, сразу понимаешь, что кто-то пришёл, принёс гостинцев и хорошие новости.

Бабушка тоже слышит калитку, я забегаю в тёмный коридор и луплю в двери, потому что в потёмках не могу найти щеколду, и ещё потому, что прямо надо мной чердак – чёрная дыра в потолке. Я стараюсь не смотреть вверх, пока слушаю бабушкины шаги в прихожей. Вот она открывает дверь.

– Ой, ой, ой, – Лапушка моя приехала, – бабушка трясёт меня за плечи и хлопает в ладоши моими руками. В нос тут же ударяет до слёз приятный запах пшённого кулеша, об сапог уже, мурча, ласкается кошка. На табуретке у духовки сидит Нянька, опираясь на палку. Она не расстаётся с палкой нигде, потому что Нянька очень старенькая, она качала в колыбельке мою бабушку, когда та была маленькой. Наверное, бабушка тоже звала её Нянькой, поэтому это имя бабушкина тётя носит всю жизнь. Она живёт через дорогу от нас, в домике, побеленном глиной. И каждый день по четыре раза приходит к нам в гости: набрать воды в колодце, посмотреть телевизор, поговорить и попеть песни. У неё нет колодца во дворе, нет телевизора, и песни петь некому – Нянька живёт одна.

– А кто это тут приехал? – нараспев произносит она и делает нарочито-удивлённое лицо. Я захожу в прихожую прямо в сапогах и гордо демонстрирую себя бабушке, Няньке и кошке. В этот момент я кажусь себе городской красавицей, такой долгожданной, такой любимой и взрослой.

С меня снимают пальто, варежки на резинке, и кроличью шапку в форме каски. Голове становится приятно и легко. Бабушка гребешком зачёсывает мою влажную чёлку со лба на бок. Ей так больше нравится. Я не мою после улицы руки, и не снимаю гамашы. Одной рукой глажу кошку, другой ем вкуснейшую кашу. Все на меня смотрят и спрашивают всякие пустяки: нравится ли мне в садике, как зовут воспитательницу и где лучше, в городе или в селе. Я знаю весь этот набор вопросов наизусть, потому что отвечаю на них постоянно. Взрослые любят спрашивать одно и то же. И я в который раз повторяю заученное: «Не очень. Елена Михайловна. В селе».

Дедушка достаёт из огромной сумки продукты, купленные в городе и в районном центре: булочки, лимонад, кулёк конфет «золотой ключик», розовую колбасу с белыми кружочками сала, четыре пачки печенья, пряники и бутылку с прозрачной, как вода жидкостью. Я знаю, что эта бутылка для деда-Кузьмича, который завтра будет резать и смолить нашего поросёнка.

Нянька, постукивая палкой об пол, напевает: «В потребиловку селенья, ай-люли, воз огромный с русской горькою везли». Я ничего не понимаю из Нянькиных песен, в них всегда очень много странных слов. Мне порой кажется, что она сама их выдумывает, потому что, больше нигде и никогда я их не слышу. Но я всё равно люблю её песни и смеюсь, когда немного улавливаю смысл:

«Свёкор с печки убилси, за пень за колоду завалилси.
А кады б я была Устина, я б повыше взгромоздила,
Чтоб убилси не подылси,
Чтобы гохнул, не вохнул»

Я угощаю Няньку булочкой и конфетами. Булочку она заворачивает в газету, чтобы съесть дома с молоком, а конфеты кладёт в серый носовой платок, который сначала долго ищет в кармане, а потом так же долго развязывает на нём узелки. Я знаю, что конфеты она есть не будет, а принесёт их мне в этом же платочке когда-нибудь летом. Нянька думает, что я забуду про них, но я всё помню. И давно выучила, что все лакомства, которые попадают в волшебный платок, возвращаются ко мне в нём же целыми и невредимыми, только пропитанные запахом платочка и Нянькиного дома. У неё в доме всё пахнет одинаково: и железная кровать под иконами, и полотенца, и все вещи в шкафах. В прихожей у Няньки стоит буфет, в котором всегда много засохших сладостей и водятся муравьи, а ещё у неё в доме настоящая русская печь с чугунами за зелёной занавеской. У всех остальных в домах печки маленькие, и называются грубки. У нас тоже есть грубка. Бабушка топит её старыми газетами, дровами и углем. Угольки тлеют и падают в поддувало. Я выламываю из веника прутики и трогаю раскалённые угольки, кончик прутика становится коричневым.

Нянька собирается домой, бабушка идёт с ней во двор, чтобы закрыть калитку «на глухую», я не знаю почему «на глухую», но тоже так говорю. Нянька проходит прямо под окном, возле которого я сижу. Я знаю, что ей видно меня хорошо, потому, что в доме горит свет. А мне, для того, чтобы помахать ей рукой, нужно упереться лбом в двойное стекло, внутри которого на вате, как на снегу краснеют сухие веточки рябины.

А потом я тону в нереально мягкой перине, предварительно попрыгав на ней. Я подлетаю до потолка, а подо мной скрипит кроватная сетка-батут. Часы бьют одиннадцать ночи. Громко и с эхом на всю хату. Сейчас они бьют одиннадцать раз, а в половине двенадцатого отстучат всего лишь один удар. Но этого я уже не услышу – в деревне я засыпаю мгновенно. А вот когда к нам приезжают гости из Курска, Харькова и Ростова, они не могут спать из-за этого звука. И дедушка останавливает часы, удерживая их за маятник, а по утрам снова заводит, открыв стекло и громко проворачивая ключик – Г-р-р, г-р-р.

Я закрываю глаза и улыбаюсь. Вот я и дома. Вот оно счастье. Я уже не помню, что только сегодня с утра я ехала в скучном городском автобусе с Белой горы и репетировала танец хлопшек в противном детском саду.

Дед Мороз, красный нос табуреточку принёс...

Новогодние праздники такие приятно-длинные. По телевизору по обеим программам целыми днями показывают ёлки, концерты и мультики про дедов морозов. Мультки мы смотрим вдвоём с Нянькой. А концерты все вместе. Мне очень нравится взрослая песня про «три белых коня», у меня от неё бегут мурашки по рукам, я чувствую, что новый год совсем рядом и вот-вот произойдёт что-то радостное и необычное. Я надеваю, пахнущую картонкой и клеем, маску ёжика с круглыми дырочками для глаз и подпеваю: «Иу носят меня, Иу носят меня в звенящую снежную даль...»

За окном, выходящим на дорогу, на белом снегу маячит тёмная фигурка. Нянька, забывая про палку, проворно поднимается с табуретки, торопится первой увидеть, кто же там идёт. Дедушка приподнимается на диване, опираясь на локоть. Бабушка надевает очки и всматривается в женский силуэт.

– Катечка, Зинка, – гадают они с нянькой наперебой.

– Почтальонка, – сдержанно объявляю я и угадываю, потому что, как говорит бабушка, у меня самые молодые глазки, и синюю сумку через плечо у бабы Нюры, я увидела раньше всех.

Баба Нюра-почтальонка заходит к нам в прихожую вся румяная и в мелких снежинках. Она выкладывает на стол холодные газеты «Труд» и «Сельская жизнь», комната тут же наполняется запахом зимы и свежих газет. Я пью чай из засушенных листиков зверобоя и заворожено жду, полезет ли баба Нюра в маленький кармашек сумки. Там у неё обычно письма и открытки. Под Новый год у нас в доме их бывает особенно много. Я собираю красивые открытки с зайчиками и снегурочками от наших родственников и от дедушкиных учеников, а потом рисую таких же зайчиков в своём альбоме.

В воскресенье я с самого утра жду, когда начнётся «В гостях у сказки». Вообще-то, я больше люблю мультики, а не фильмы, но эту передачу всегда смотрю и подпеваю: «Если вы не так уж боитесь Кощея, и Бармалея и Бабу Ягу, приходите в гости к нам поскорее, там где зелёный дуб на бе-ре-гу». Иногда изображение начинает мелькать и шипеть, тогда я становлюсь на стул и бью ладошкой по коричневой крышке телевизора, так обычно делают взрослые. Мы с Нянькой смотрим сказку «Морозко», про Настеньку и Марфушеньку-душеньку. А потом с бабушкой долго ищем такую книжку в хате и на веранде на многочисленных полках. Находим, радуемся. Её вечером обещает прочитать дедушка. Но я не могу ждать до вечера, находясь под впечатлением от просмотренной сказки, я листаю книгу с начала в конец и обратно, обвожу ручкой девочку в платочке на обложке, и прошу Няньку почитать. Но она говорит, что не умеет. Я удивляюсь, как это – взрослая старая бабушка не умеет читать. И Нянька рассказывает мне о своём детстве, о том, как мама не пустила её в школу, потому что некому было ухаживать за братиками и сестричками и прясть пряжу. Эта злополучная прялка до сих пор стоит у Няньки дома. Она прядёт на ней овечью шерсть для всего села, а потом вяжет суконные носки. Я тоже пробовала прясть – это очень трудно. Бедная Няня.

Дедушка достал с чердака ёлку и ёлочные украшения в огромной пыльной коробке, перевязанной шпагатом. Ёлка у нас не настоящая, она собирается по инструкции. Дедушка в очках внимательно рассматривает ёлкины части. У меня перехватывает дыхание, когда я открываю коробку с игрушками. Сначала вытаскиваю оттуда кучу скомканных газет, кусочки ваты и спутанную мишуру, потом деда Мороза со Снегурочкой в пластмассовых белых шубах. Они ставятся под ёлку на вату – снег. Тяну за провод длинную гирлянду, случайно разбиваю красный шарик со снежинкой на боку. Бабушка ходит вокруг нас с веником, кошка шелестит мишурой, по телевизору рассказывают о новогоднем утреннике в Кремле и показывают детей в костюмах зайчиков. Я тоже хочу в Кремль, на утренник и в телевизор. Дедушка обещает сводить меня на школьный праздник и сшить настоящую кроличью шубу.

Шубу начинают кроить вечером. Бабушка на шкурке рисует мелом линии и полукруги, дедушка точит ножницы. Шуба будет разноцветная из белого, серого и пятнистого кролика. Я внимательно наблюдаю за процессом кройки, подбираю с пола узкие пушистые ленточки и подкладываю их под бок спящей кошке, как будто это котята. Потом до одури кручу ногами педаль швейной машинки. Мне разрешают её вертеть до тех пор, пока не наденут на колесо шнур, после этого машинку вертит бабушка, ловко вращая возле иглы зелёную ткань для подкладки. У меня слипаются глаза, и я засыпаю, кажется, прямо на стуле.

Просыпаюсь всё же в своей кровати. Моя шуба висит на крючке в прихожей. Наверное, бабушка с дедушкой не спали всю ночь. Я надеваю её и тону в мехах и тепле. Шуба мне по щиколотку, а руки скрываются в рукавах вместе с ладонями. Дедушка подпоясывает меня коричневым ремнём со звездой на пряжке и довольно причмокивает языком. В новой шубе я ему нравлюсь.

На утренник меня ведёт Нянька. Мы сидим на низенькой скамейке в просторном коридоре деревянной сельской школы. Вокруг нас бабульки с палками – Нянькины подружки. Все они улыбаются мне, суют в руки конфеты и раскрошившееся печенье. Посреди коридора огромная настоящая ёлка, возле неё танцуют большие девочки в жёлтых косынках. На щеках у них нарисованы красные кружочки. Когда приду домой – нарисую себе точно такие. В нижнем ящике стола лежит помада в белом флакончике, бабушка говорит, что это мамина. Но видимо мама про неё давно забыла. Я решаю забрать помаду себе, и весь утренник размышляю, куда бы её положить. Там же рядом с помадой лежит картонная коробка с ландышем на крышке. Это пудреница. Её я трогать не буду, потому что, если коробку открыть неаккуратно всё вокруг будет в белой вонючей муке. Этот урок я уже усвоила.

Худой дед Мороз в красном халате просит маленьких детей рассказать стихотворение. Нянька подталкивает меня в спину: «Иди, иди, Снегурочка тебе конфет даст». Мне не нравится этот дед Мороз с писклявым голосом. Да к тому же, я не очень желаю конфет: у меня их полные карманы. Да и стоять перед всеми долго мне не хочется. А все стихи про зиму длинные, поэтому я рассказываю короткое, первое, что пришло в голову:

«Дед Мороз, Красный нос, табуреточку принёс,

Табуреточка мала, деду по носу дала».

Все смеются, и дед Мороз со своей внучкой тоже.

По дороге домой мы, вместе со всеми остальными бабушками, смотревшими утренник, заходим в магазин и ждём торговую машину. Должны подвезти хлеб. Деревенский хлеб очень вкусный, он ни белый и не чёрный, а какой-то средний. Мы всегда берём много хлеба – полную сумку. В городе я не ем хлеб, а здесь обычно только по дороге домой съедаю половину буханки. Мне так нравится расковыривать корочку и вытаскивать из-под неё тёплую пахучую мякоть с крупными дырочками. А больше всего мне нравится, что никто за это меня не ругает. Меня вообще никогда не ругают в деревне.

Я не знаю, когда именно должен наступить Новый год. Бабушка говорит, что ночью. Но мы не ждём его наступления. Потому что после передачи «Спокойной ночи, малыши», которая идёт в восемь вечера, очень хочется спать. Да мне и не важно, когда он придет. Для меня новый год будет всё время пока в доме стоит ёлка, и пока не закончатся мандарины.

Магия родного дома и настоящая дружба

Я стою в валенках перед огромным сугробом у крыльца, в руке у меня большая красивая сосулька, я очень хочу её лизнуть, и у меня есть такая возможность – я во дворе одна. Но я не делаю этого, потому что знаю, что дедушке это не понравилось бы, а я люблю дедушку и не хочу его огорчать. Особенно сегодня, когда мы с ним вдвоём идём на остановку встречать мою маму. Автобусная остановка очень далеко от нашего дома, но мы пойдём туда пешком по глубокому снегу. И я буду вести себя, как взрослая. Потому что если бы дедушка считал, что я маленькая, он оставил бы меня дома, или повёз бы на санках, но он даже не предложил этого, значит, он думает, что я совсем большая и не буду капризничать, несмотря на расстояние, на тяжёлые валенки и скрипучий глубокий снег. И я, конечно, оправдаю его доверие. Я делаю важное лицо и выбрасываю сосульку в сугроб. Она бесшумно скрывается под снегом, и на нём остаётся тоненькая длинная дырочка. Мне становится безумно интересно, на какую глубину скрылась в снегу сосулька, и я ступаю чёрным валенком в глубокий тугой наст снега. Он сердито скрипит, но пропускает меня. Я опускаю в дырочку свою руку в серой вязаной варежке и пытаюсь нащупать мою сосульку, руке становится холодно и мокро. Я стараюсь вытащить руку обратно и понимаю, что серенькая, пахнущая овечками, варежка остаётся в снегу, и одновременно с этим я понимаю, что сейчас заплачу, и дедушка это увидит, потому что вот уже звучат его шаги, и тяжело хлопает дверь коридора. Я старательно тру непослушные глаза свободной рукой в такой же овечьей варежке, и отчаянно силюсь вытащить ногу из сугроба, но мне всего четыре года, и снег сильнее меня, он, как будто, насмехаясь, стаскивает с меня валенок, и я такая маленькая и беззащитная, плюхаюсь на пятую точку на глазах у дедушки, стоящего на крыльце. Я реву во всё горло от такого позора и несправедливости. На крыльце тут же возникает бабушка, в цветастой летней кофточке и синем фартуке, она ласково поднимает меня на ноги, и надевает на меня варежки, такие же, как и были, только тёплые, прямо с лежанки. Рукам становится жарко, а к горлу подступает комок, потому что мне жалко бабушку, которая стоит на морозе в кофточке с короткими рукавами и улыбается. Я начинаю капризничать и стаскивать варежки, я уже не хочу идти на остановку, и казаться взрослой. Я хочу в дом, туда, где пахнет горячими пирожками, и где возле тёплой духовки мурлычет серая добрая кошка без имени. Бабушка не спорит со мной (она вообще никогда ни с кем не спорит), и мы все троём идём обратно в дом, гулко топая ногами по дощатому полу коридора, снег, как белая яичная скорлупа, пластами отваливается от валенок.

Уют, тепло, запахи и звуки нашего дома действуют на меня магически. Дома мне всегда становится так спокойно-спокойно, я чувствую себя здесь «на своём месте», как кубики в коробке. Почему как кубики? Потому что днём я с ними играю, и они яркими брусочками разбросаны по дому, серый котёнок пушистой лапкой перекатывает кубик с боку на бок, и, наверное, пытается понять, почему на одной стороне нарисован собачий хвостик, на другой заячье ушко, а на остальных вообще непонятно чьи глазки, ножки и ручки. Котёнку становится страшно, и он убегает в прихожую, громко барабанив маленькими лапками и поскальзываясь на паркете. Мне жалко котёнка, я беру кубики и складываю их в коробку по порядку, получается картинка: девочка с лейкой и собачка. И каждый кубик на своём месте, и всем хорошо и комфортно: и кубикам (потому, что они вместе и дома), и коробке (потому, что она заполнена, и ей не одиноко), и девочке с собакой (потому, что они встретились), и котёнку (потому, что он притих и замурчал возле мамы-кошки), и мне (потому, что всем вокруг хорошо). Я не знаю, как объяснить по-другому, я ещё маленькая для этого, я просто чувствую, что вот этот наш кирпичный дом с синей калиткой – моё место на земле, моя коробка, моя счастливая картинка жизни.

Вот я сижу на высокой жёлтой табуретке и пью тёплое молоко из большой кружки с шершавым краем. Передо мной на тарелке лежит огромный горячий, прямо из печки, пирог с фасолью. Я внимательно разглядываю его, и пытаюсь понять, почему пирожки, которые бабушка печёт на праздники, всегда маленькие и покрыты блестящей коричневой корочкой, а эти, будничные, начинённые капустой и фасолью, всегда такие огромные, невзрачные, но такие вкусные. В сто раз вкуснее, чем те – с повидлом и с яблоками. Ведь с повидлом – это совсем неинтересно, их можно купить и в нашем сельском магазине, и в электричке по дороге в город, а попробуй, купи где-нибудь пирог с фасолью. Нигде ведь не купишь. Но бабушка упорно считает, что гостям больше по душе маленькие и сладкие пирожки, как на картинке из книжки про Красную шапочку. Я пытаюсь сказать всё это бабушке, чтобы она поняла, но она не понимает, не улавливает моей мысли, а может быть, я правда непонятно объясняю. Если бы взрослые умели читать мысли детей, было бы намного проще. Хотя может быть и наоборот. Вот сейчас, например, я попросила «пить», и мне налили молоко. К тому же ещё погрели его в духовке, а мне хотелось именно пить – холодной воды из запотевшего алюминиевого ведра, которое стоит на веранде. Но я не стала сопротивляться, потому что, знаю, что бабушка старалась мне угодить, и ещё потому, что молоко – тоже очень вкусное. А если его подольше подержать в духовке, оно покроется коричневой пенкой и станет «топлёное». Я прошу бабушку сделать топлёное молоко, и бабушка с удовольствием ставит кувшин в духовку, радуясь тому, что у меня хороший вкус и аппетит. А если бы бабушка прочитала мои мысли, она узнала бы, что я вовсе не хотела молока для здоровья, а хотела ледяной воды «для простуды». Она бы тогда расстроилась, и рассказала бы мне историю про своего брата Петьку, который давно-давно, когда бабушка была маленькая, и когда была война, простудил горло холодной водой, и его на лошади везли аж до самого города в больницу. Эту историю я знаю наизусть, но каждый раз слушаю, и делаю вид, что слышу её в первый раз. Делаю я так специально, потому что вижу, что бабушке приятно вспоминать своё детство и своего маленького брата Петьку, которого потом на войне убили немцы.

Каждый раз, когда бабушка начинает говорить о немцах, мне становится до слёз жалко Петьку, я боюсь заплакать, и поэтому сосредотачиваю свой взгляд на столе, изучаю выцветшие розочки на белой клеёнке. И моментально отвлекаюсь на мысль о том, что я смогла бы нарисовать такую розочку, и на своём рисунке вернуть ей прежнюю яркость цвета, но у меня закончился альбом, и надо сказать об этом дедушке. Я знаю, он попросит посмотреть мои рисунки, чтобы понять стоит ли давать мне новый альбом, или может быть, я бездарь и зря расходую бумагу, которую делают из дерева. Но я не боюсь, что с этим у меня всё в порядке, и за мои рисунки дедушка поставит мне пятёрки на уголках страничек красным карандашом. Я горжусь этими оценками, потому что знаю, что действительно их заслуживаю, дедушка не станет просто так ставить пятёрки, потому что он самый честный, порядочный и справедливый учитель в мире. Об этом знает всё наше село. Мои дедушка с бабушкой когда-то работали в школе. И учили всех-всех: даже продавщицу – тётю Надю, даже председателя Егорова и участкового – Сергея Николаевича, и учили даже мою маму – свою дочку, которая сегодня придет, потому что сегодня суббота.

Моя мама самая красивая. У всех детей есть мамы, но такой как у меня, ни у кого нет. Когда я смотрю на чужих мам, я чувствую, что мне несказанно повезло, потому что у всех мамы – это обычные толстые тётки с химией на волосах, а моя мама высокая, стройная в розовом плаще, с гладкими блестящими волосами шоколадного цвета. Она похожа на всех красавиц мира сразу. Точнее, это все красавицы мира похожи на неё. В журнале «Мода» все девушки одеты как мама, у дикторши из программы «Новости» такой же голос, а у певицы из передачи «Песня года» – мамина улыбка. Моя мама – яркая и красивая, как праздник. И каждый выходной я жду этот праздник. Но праздник, как говорят взрослые, не бывает каждый день. И я

соглашаюсь с этим, потому что взрослые всё знают и всегда говорят правду. Видимо поэтому я не хочу с мамой жить в городе. Я знаю, что моё место здесь. И только здесь я счастлива.

Только за вот этим столом я ем самую вкусную на свете еду. Только на этой вот кровати с высоченной горкой подушек, накрытых прозрачной, вышитой крючком салфеточкой, я вижу самые интересные сны. Только в это, замёрзшее сейчас окошко, я вижу домик своей лучшей подруги – Маринки. Словосочетание «лучшая подруга» кажется мне таким «взрослым» и значительным, и я горжусь тем, что в свои четыре года знаю его значение. Ещё я знаю, что настоящая дружба – редкость, и что её надо ценить. И я её ценю. Я дарю Маринке свои рисунки, она кнопками вешает их на стену у себя в прихожей. Рядом с моими рисунками висят плакаты с певцами из журнала «Работница», у дядей-певцов длинные волосы и блестящие, кожаные костюмы. Эти плакаты вешает Анька – Маринкина двоюродная старшая сестра. Она уже очень взрослая и даже ходит в школу. Каждое утро, когда мы с дедушкой завтракаем, она проходит под нашими окнами, мы провожаем взглядами её спину с ранцем, и дедушка комментирует: «Анечка пошла учиться». И я представляю, как Анька стоит во дворе школы и ковыряется в ухе. Не знаю почему, слово «учиться» представляется мне именно так. А ещё мне очень интересно, почему у Маринкиной сестры есть зубы. Мама говорила, что в школьные годы у детей должны выпасть все молочные зубы. Это, наверное, очень неприятно. Хорошо, что в школу я пойду ещё не скоро.

Так вот, я же думала о рисунках.... Все Маринкины гости хвалят мои рисунки и мой талант. Маринке тоже хочется, чтобы её хвалили, и я самоотверженно учу её рисовать. Видимо, я тоже, как и дедушка, хороший учитель, потому что у Маринки неплохо получаются люди, только у неё все они похожи друг на друга, как родственники. А люди на моих рисунках все разные: задумчивые и весёлые, счастливые и грустные, спокойные и встревоженные. У людей не бывает одинаковых лиц и одинаковых настроений. Я умею чувствовать людей, а Маринка не умеет. Зато она умеет садиться на шпагат и делать колесо. Поэтому все взрослые говорят, что я буду художницей, а Маринка спортсменкой. Я не хочу быть художницей. Это слово кажется мне каким-то серым и тоскливым. Я рисую просто потому, что у меня в голове полно мыслей, а выражать их другим способом я ещё не умею. Очень правильную песенку поют в передаче «В гостях у сказки»: «Для того, что на словах не передашь, люди выдумали кисть и карандаш...» «Взрослые не всегда понимают меня, потому, что пока я знаю не много слов. А когда тебя не понимают, это бывает очень обидно, поэтому маленькие дети так часто плачут. И вообще, я считаю, что дети от взрослых только тем и отличаются, что знают меньше слов. А способность думать даётся человеку с самого рождения. Для того чтобы думать не нужно знать слова. Мысли, они не зависят от возраста и знаний. Они просто проносятся в голове, цепляясь друг за друга. И ты либо можешь выразить их словами, либо не можешь. Вот у меня плохо получаются некоторые слова потому, что я не выговариваю букву «р». Это мне никак не мешает думать, а вот говорить очень мешает. Я чувствую, как звучит эта вредная буква, слышу, как я произношу её в уме, знаю, в каком направлении при произношении должен двигаться язык во рту. Казалось бы, что ещё нужно, но значит нужно что-то ещё, потому что никак не слетает она с языка. И, чтобы не обнаружить это, я никогда не произношу слова: деревня, город, корова, игра, горка, красота. Я просто рисую красивую снежную зиму в деревне, детей на санках, пятнистых коров на лугу. И Маринку я никак не называю, я просто стучу ладошкой к ней в калитку, и жду, когда в окошке появится её лицо с низкой чёлкой. А потом жду ещё несколько минут, пока Маринка оденется, выйдет и первая скажет «привет», тогда я смогу просто улыбнуться и сказать «пойдём ко мне», или «пойдём в сад», или «у нас окотилась кошка». Я многое могу сказать, могу сказать всё, но вымолвить слова, в которых есть эта злополучная «р», я не нахожу в себе смелости. От этого мой словарный запас кажется совсем скудным, ведь слов с «р» так много. Да, я научилась заменять выражение «идти на горку» на «идти кататься», «пасти коров» на «пасти стадо». Но, как ни крути, это всё доставляет мне множество неудобств, тем более, что

у Маринки нет проблем с произношением. Я успокаиваю себя тем, что подруга старше меня на два месяца, и что это у меня временно, и я обязательно научусь произносить сложную букву, но всё равно стесняюсь. Мне кажется, что никто не замечает моего недостатка, ведь я всегда избегаю неподдающихся произношению слов. Но, видимо, хитрая Маринка что-то подозревает и нет-нет, да и попросит тоном учительницы: «скажи рыба». Тогда я очень злюсь и начинаю переводить её внимание на что-нибудь другое жестокими способами, например, ломаю её снеговика, или бросаю за забор её варежку. Всё это обычно заканчивается перепалкой и рёвом. Взрослые считают, что я виновата в наших ссорах, потому что знают только часть причины. «Зачем ты обижаешь Марину?» – все время спрашивают они, а я всегда дуюсь и молчу, как будто не знаю, что ответить, хотя понимаю, что это она меня обижает, а я просто защищаюсь. Но как я расскажу об этом взрослым, они не поймут, проблему «вредной буквы», для них это пустяк – мелочи жизни. А для меня это позор и унижение.

Утро. Мы с Маринкой палочками рисуем на снегу возле забора домики, баба Зина – Маринкина бабушка принесла из сада несколько сухих веток на растопку, положила их у забора, и пошла во двор. В это время к их дому подъехал на тракторе дядя Миша, вылез из кабины, как взрослым, пожал нам руки, дал по яблочной конфете, щурясь, спросил «дома ли Зинаида Петровна?» и исчез во дворе. Маринка, обнаружив, что ветки, принесённые для растопки, оказались скрытыми от взгляда, забеспокоилась, что бабушка не сможет их найти. Тут же в её хитрой голове созрел коварный план, она, нарочито резко повернулась в сторону скамейки, и ударила об неё ногой. Я видела, что Маринка сделала это специально, и ударила не больно. Но она схватилась за коленку и противно заканючила:

– Ну, вот ударила, не могу идти.

– Ну, посиди немного, – попыталась я успокоить подругу. Я знала, что через минуту она уже будет скакать как коза, забыв о своей ноге.

– Я не могу сидеть, я должна срочно сказать бабушке что-то важное, – не унималась Маринка.

– Что ты хочешь ей сказать? – мне стало любопытно, – словосочетание «что-то важное» всегда кажется мне наполненным тайной.

– Пойди к моей бабушке и скажи ей, что дрова за трактором, – выпалила Маринка.

Я тут же почувствовала, как к горлу подкатывает комок. У меня в душе началась нелегкая борьба: с одной стороны я не обязана подчиняться Маринке и сообщать её бабушке «важные новости», с другой – я не могу «предать пострадавшего товарища», так не поступали даже на войне. Про это я слышала очень часто от дедушки и смотрела в каком-то взрослом фильме. Солдат на плечах отнёс раненого в госпиталь, а сам потом под пулями полз по земле, чтобы передать записку семье этого раненого. И я тогда думала, что поступила бы точно так же. А теперь стою перед открытой калиткой и не могу сделать несколько шагов, чтобы сказать три слова. Я бы обязательно сделала это, если бы это были другие слова. Но «трактор» есть трактор, и никак по-другому не скажешь. Я смотрю на стонущую у скамейки Маринку, на спину дяди Миши в серой фуфайке и на зелёный платок бабы Зины, мелькающие в конце двора, и хватаю за хвост последнюю слабую надежду:

– А ты скажи посильнее, она услышит, она недалеко.

– Как это «посильнее»? – Маринка либо действительно не понимает, что я имею в виду, либо в очередной раз пытается поставить меня в глупое положение, заставив более точно сформулировать фразу. Но я не могу этого сделать, потому что в более точном варианте фраза звучит только как: «крикни громче»

Я осознаю безнадёжность своего положения. Бить и так ударившуюся подругу – подлость. Ослушаться – предательство. А выполнить её поручение, то есть произнести в присутствии двух взрослых «дрова за трактором», стараясь слотнуть вредную букву, чтобы не дай бог, не вылетело глупое детское «тлактол» – это позор. Такого стыда я не стерплю. Остаётся ещё один

выход – тихо сбежать домой, туда, где ритмично тикают настенные часы, и бабушка с румяным от печки лицом, варит пшённую кашу с тыквой. Я с тоской оглядываюсь на свой синий заборчик, на тихий дымок из трубы, и вспоминаю смелого солдата из фильма. Нет, сбежать домой – это трусость. Как я буду после этого уважать себя?

Я делаю несколько шагов вглубь Маринкиного двора, некоторое время стою в нерешительности и иду обратно.

– Сказала? – подруга впивается в меня взглядом.

Мне так хочется треснуть её сейчас, но я не могу так поступить, потому что у меня есть совесть. Я отрицательно качаю головой и иду обратно во двор. Сглатываю комок и возвращаюсь снова.

– Сказала? – Маринка хмурит брови, и в её серых глазах читается презрение. – Иди и скажи, – по слогам повторяет она.

Я делаю третью попытку, продвигаюсь чуть дальше от калитки, чем в прошлый раз, остаиваюсь и гипнотизирую взглядом зелёный платок бабы Зины. Если бы она сейчас зашла за сарай, или пошла в сторону огорода, я бы смело вернулась к скамейке и сообщила бы Маринке, что не нашла бабушку. Но баба Зина не уходит, они с дядей Мишей прибивают какую-то сетку на ящик, наверное, это будет клетка для кроликов. Я набираю в грудь воздуха и громко произношу какой-то краткий звук, я выкрикиваю его так быстро, что даже сама не понимаю, как он звучал. У меня колотится сердце, так бывает, когда сильно испугаешься чего-то, потом тихо-тихо, так что еле слышу сама себя, шепчу «дрова за трактором», осторожно сглатывая «р», оставляя звуковые дырки в тех местах, где она должна была быть. Я выдыхаю скопившийся в груди воздух, и с чувством некоторого облегчения выхожу со двора. Маринка с ушибленной ногой забралась на тракторную тележку, и взирает оттуда с превосходством.

– Сказала? – спрашивает она скучающим голосом, видимо уже потеряв интерес к дровам. Теперь подругу волнует другое, произведут ли на меня впечатление её верхолазные способности.

– Да, – сухо отвечаю я и иду к своему синему забору по самому короткому пути – через самый глубокий сугроб.

На крыльце моего дома сидит добрая серая кошка, увидев меня, она довольно мяукнула и начала тереться о валенок, радуясь тому, что сейчас зайдёт вместе со мной туда, где тепло, спокойно и ни о чём не нужно волноваться. Мы с кошкой заходим в коридор, гулко стуча дверью и ногами, в лицо тут же приятно ударяет тёплый, сладкий запах варёного пшена. Я понимаю, что очень проголодалась, что безумно соскучилась по дедушке, бабушке и домашнему уюту, что до вечера ещё долго, и я буду весь день рисовать добрые картинки за столом возле тёплой печки, под тихое кошачье мурлыканье. Комок, так долго стоявший в горле, подкатывает, и мне становится совсем невмоготу. Я вхожу в прихожую и начинаю реветь с самой высокой ноты.

– Ну что такое? Опять поссорились? – бабушка снимает с меня тяжёлую кроличью шубу, сырые валенки, разматывает шарф.

Я мотаю головой из стороны в сторону и захлёбываюсь слезами. Я в очередной раз не могу объяснить, что на самом деле произошло. Нет, мы не поссорились, это было бы лучше. А то, что произошло сейчас – просто ужасно. Я обманщица. Я первый раз в жизни соврала...

Да, я сказала «дрова за трактором», но ведь баба Зина это не услышала. Поэтому это равносильно тому, что я ничего не говорила. А значит, я обманула Маринку, бабу Зину и даже себя. Я пытаюсь объяснить бабушке суть проблемы и произношу злополучную фразу... Произношу громко и чётко, со всеми «Р». Она звучит из моих уст так неожиданно, что все, включая старую кошку, на мгновение замолкают.

– А ну, повтори, повтори, – торопливо просит бабушка.

Но я уже заматываю шарф наперекосяк и надеваю валенки «не на ту ногу», я спешу сказать бабе Зине, что «дрова за трактором», теперь я могу и должна сделать это.

Я выбегаю во двор и с самого крыльца, что есть мочи, зову подругу. Я ещё ни разу не произносила звук «Рь», поэтому опасаюсь, что выговорить мягкое «Марина» у меня не получится. А звука «РРР» я теперь не боюсь. И я кричу изо всех сил: «МаРРРына, МаРРРына, дРова за тРактоРом!!!»

Мы переезжаем

На столе много-много всего вкусного: колбаса, нарезанная полумесяцами, солёные помидоры с упругими блестящими боками, огромные и безумно вкусные конфеты Гулливер в жёлтой обёртке, компот в графине и лимонад для взрослых в бутылке с этикеткой, на которой нарисовано яблочко. «Вино крепкое яблочное», – объявляет дедушка с улыбкой и открывает бутылку. Мама, накалывая на вилку колбасу, радостно и непривычно оживленно рассказывает о том, как она «выбила общагу». Словосочетание не кажется мне весёлым, потому что я слышу в нём слово «бить», а дедушка учит меня, что бить, кого бы то ни было – это плохо. И мама, как взрослый человек, тоже должна это знать. Я смотрю на маму, пытаюсь понять, шутит она или нет. Возможно – шутит, потому что такой весёлой она бывает крайне редко. Но сейчас я не хочу сильно вникать и задумываться, что так радует маму, потому что вместе с ней в деревню сегодня приехал дядя Вася и привёз с собой мою сестру Нинку. «Ниночку», как называют её взрослые. Пока они едят, я вожу её по хате и по двору, чувствуя себя здесь хозяйкой и большой девочкой. Ниночка смешная: она таращит большие зелёные глазищи на кроликов, хватается испуганных кошек за хвосты, убегает при виде коровы и пытается поймать курицу. Всё это происходит с шумом, смехом и визгом. На каждый издаваемый сестрой звук из дома выскакивает её мама – рыжеволосая тётя Римма, она также шумно спрашивает нас, «почему мы орём», потом идёт за нами, и так же странно, как Нинка, реагирует на кроликов и корову. Вообще, тётя Римма забавная: бегают за нами по пятам, не разрешает Нинке трогать животных и то и дело проверяет, не грязные ли у дочки руки и не горячий ли лоб. Я не понимаю этой излишней опеки, ведь здесь не город, где дети не гуляют одни и моют руки после каждой прогулки.

Я жду, когда тётя Римма уйдёт, и тихонько вывожу сестру со двора. Мне очень хочется, чтобы нас увидела Маринка. Мы бесцельно торчим под её окнами, в которых я пытаюсь разглядеть силуэт подруги, Нинка обсасывает какую-то сломанную ветку, вокруг рта у неё серая грязь. Я представляю, что было бы, если бы вышла тётя Римма. Почему за мной каждую минуту никто не выбегает, и не проверят, не сую ли я в рот какую-нибудь гадость? Мне хочется, чтобы за меня побеспокоились, ведь я тоже ребёнок и имею право вымазываться и шалить, я отбираю у сестры веточку и тру ею свой подбородок. В этот момент скрипит и грохочет калитка, и на улицу выходит дядя Вася с большим коричневым фотоаппаратом. Я обожаю фотографироваться, жалко, правда, что фотографии обычно бывают готовы только года через два. Сегодня он как раз привёз какие-то снимки в чёрном конвертике, на них мы с Нинкой сидим, лежим и стоим на диване. Когда это было, я совершенно не припоминаю. Ну, ничего, всё равно фотографии – это очень интересно. Я с готовностью делаю всё, что говорит дядя Вася: становлюсь у дерева, старательно держу шубку за краешки, как на утреннике, беру за ручку Нинку. Я улыбаюсь, а сестра капризничает и вертится.

У себя возле калитки появляется Маринка в клетчатом капюшоне. Она смотрит на нас с завистью и не решается подойти. Меня охватывает чувство собственной значимости и, неожиданно для себя, я делаю вид, что не замечаю подругу. Её замечает дядя Вася, он, улыбаясь, кричит:

– Марина, иди сюда. Будешь фотографироваться с девочками?

Маринка с непрониновенным лицом скрывается за забором и продолжает смотреть на нас уже из укрытия, в щель между штакетом.

Вечером Нинку всей семьёй долго укладывают спать. Лёжа на высокой перине, я с презрением смотрю, как из холодного коридора затаскивают в хату старую пыльную детскую кроватку с перекладами на боках. Я уже давно не сплю на ней. И клеёнку мне под простынь давно не подкладывают. И никто со мной так не нянькается. Я, конечно, понимаю, что Нинка маленькая, но это не значит, что все взрослые, включая мою маму, должны носиться вокруг

неё. Я начинаю громко всхлипывать, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание, на что получаю укоризненный взгляд бабушки:

– Внуча, как тебе не стыдно, ты же большая девочка.

Я обиженно отворачиваюсь к стенке и засыпаю с мыслью о том, чтобы Нинка поскорее уехала. Сквозь сон слышу, как сестра с плачем кричит, что она хочет домой. Но, по всей видимости, взрослые её не понимают и поочерёдно суют ей бутылочку с водой, горшок и мои игрушки.

Утром в хате непривычно шумно и не убрано. Тётя Римма говорит, что Нинка не спала всю ночь, что им с дочерью не подходит деревенская вода и завтракать они не будут. Бабушка расстроена, потому что она всё утро лепила вареники с творогом и жарила котлеты. Мне жалко бабушку и я хочу только одного – поскорее проводить всю эту шумную толпу за калитку и спокойно порисовать у тёплой грубки, из которой доносится уютный треск. Но неожиданно выясняется, что я тоже вместе со всеми еду в город, потому, что мы с мамой, оказывается, переехали, и мне предстоит посмотреть своё новое жильё. Я сразу перестраиваюсь и с готовностью собираю вещи. Мне очень интересно, где теперь мой дом. Дедушка сказал, что там есть лифт – кабинка, которая возит людей по этажам. Я с гордостью кошусь на Нинку, ведь у неё в доме такого нет, хотя они и живут на самом высоком – пятом этаже.

Дедушка открывает гараж и долго сидит в гудящей машине, труба возле задних колёс трясётся и выпускает серые спиральки. Во дворе пахнет машинным дымом. Это запах весны. Зимой мы ездим в город на электричке.

Дядя Вася всегда сидит впереди, а когда мы подъезжаем к городу, меняется с дедушкой местами. Дедушка говорит, что не может водить автомобиль по городу, потому, что там много машин. Но мне кажется, он говорит так специально, а на самом деле просто учит дядю Васю рулить. Сидит на пассажирском сиденье, а сам всё время повторяет: «Правее, сдай, сбавь»

Дедушкина машина очень красивая, белая – пребелая и называется красиво – «москвич». Я люблю кататься на ней и обожаю её запах. А бабушка никуда ездить не любит, она боится скорости, и у неё кружится голова. Они с Нянькой остаются сидеть на скамейке и машут нам «До свидания», Нянька машет «до свидания» палкой. Мы трогаемся с места и начинаем интенсивно махать руками каждый в своё окошко. Сегодня мне хочется поскорее доехать: до города далеко, мне тесно между моей и Нинкиной мамой, и от машинного запаха слегка подташнивает. Сестра, надувшись, сидит на коленях у тёти Риммы и пинает пыльным сандаликом зелёное сиденье впереди себя. Я кошусь на свою маму, если бы я так сделала, мне бы уже влетело. Я тоже надуваю губы и смотрю на руль, в середине которого выдавлены буквы АЗЛК, я думаю о лифте, мне представляется вагончик поезда, карабкающийся вверх по ступенькам.

«Общага» оказалась красивым девятиэтажным домом с качелями и гаражами во дворе. Я с замиранием сердца вхожу в тесный гудящий шкафчик, который тут же сам закрывает дверцы. Меня прижимают в углу, перед моим носом синий в дырочку-капельку сандалик Нинки, которую тётя Римма держит на руках. Я боюсь, что шкафчик не откроется.

– Это лифт, – поясняет дедушка.

Я уже и сама поняла, хотя представляла себе всё совсем по-другому.

Мы заходим в длинный, пахнущий супом, коридор с множеством дверей и бельевых веревок. Откуда-то доносится шум воды, звон посуды и детские голоса. Мне, определённо, здесь нравится.

– Ты будешь спать на раскладном кресле, – мама заводит меня в просторную комнату с жёлтыми стенами. Вся мебель здесь новая. Нет ничего из домика-сарая на Белой горе. В кресле, на котором мне предстоит спать, сидит кукла-мальчик в коричневой панамке.

– Это Андрюша, – говорит мне мама. Она поворачивается к шкафу и одним движением достаёт оттуда вторую куклу-близнеца в такой же панамке, сшитой как будто, из медвежьей шкурки.

– А это Антоша, – мама даёт куклу Нинке.

Я не хочу, чтобы кукла была мальчиком. И имя Андрюша мне не нравится. У Антоши личико милее, если с него снять панамку и надеть платьице, он мог бы стать Ирочкой. Ему подходит это имя. Я уже знаю, что не буду любить своего Андрюшу, но плакать и отбирать куклу у маленьких некрасиво. Я понимаю, какое счастье, что Нинка мне двоюродная сестра, а не живёт со мной всё время.

– Нинка, дура, хвост надула и по речке поплыла, – бормочу я под нос, пока взрослые разбирают узлы и сумки.

– Я маме ласскажу, – сюсюкает сестра.

– Ну и рассказывай, кино показывай, – выливая сейчас на малявку весь набор детсадовских дразнилок, я кажусь себе очень важной и остроумной, и окончательно убеждаюсь в том, что не люблю малышей.

В дверь стучат, и тут же, не дожидаясь ответа, открывают её. На пороге стоит худенькая девочка с прямыми, как солома тёмными волосами и мальчик на голову ниже меня, у него под носом розовое пятно, такое бывает, когда долго не проходит насморк.

– Знакомься, солнышко, это Римма и Слава. Будешь с ними дружить, – мама непривычно весела и гостеприимна.

Странные дети. Откуда они здесь взялись? И почему я должна с ними дружить? И имя странное – Слава. Я ещё такого не слышала. Похоже на девчачье. Если бы у меня не было тёти Риммы, и я не знала бы, что Риммами зовут девочек, и не поняла бы, кто из них кто.

Римма и Слава, молча, прошли в нашу комнату, как будто привыкли всегда ходить в гости без приглашения. Я удивилась и застеснялась. Никогда не знаю, как себя вести с незнакомыми детьми.

Жизнь в общежитии и ночи без взрослых

В общежитии, которую «выбила» мама, так весело! Никогда ещё у меня не было столько друзей одновременно. Мы дружим всей секцией. Секция – это длинный коридор с четырьмя комнатами, и одной общей кухней. А если точнее, секция – это: мы с мамой, тётя Лена с Римкой и Славкой, тётя Люда с Оксанкой, и семья Зубовых, у которых две дочери – Надя и Дина. Дина – Римкина ровесница, на год старше меня, а Надя учится в четвёртом классе. С Зубовыми мы не дружим, потому что у них есть папа. Он не выпускает девочек играть в большой коридор, и кричит на нас, когда мы вертимся под ногами. Я всегда не понимала роли папы в семье, и подозревала, что отцы только лишь мешают нормальной жизни. Теперь я в этом окончательно убедилась. Дядя Ваня Зубов ходит по секции в синих спортивных штанах, без майки и с вечно недовольным лицом. Его злят тазы, расставленные по умывальнику, раздражает куча санок, сваленных у кладовки, бесим мы – дети, когда громко разговариваем, а так же, когда негромко. Тётя Таня – его жена всегда вежливая, постоянно за что-то извиняется и часто плачет настоящими слезами, как маленькая. В такие моменты, мне бывает жалко маму девочек Зубовых, и я представляю, что если бы дядя Ваня куда-нибудь уехал навсегда, я бы, наконец, смогла зайти к Зубовым в комнату, посмотреть аквариум и порыться в Динкиных игрушках, а тётя Таня перестала бы плакать и вместо тихого «здравствуйте», говорила бы нашим мамам: «Привет, Танюх», или «Привет, Ленусь», или «Здорово Люська». Именно так наши мамы здороваются друг с другом. Они вместе смотрят концерты Пугачёвой у Оксанки в комнате, потому что только у тётя Люды – большой цветной телевизор, вместе гадают на картах по вечерам у нас дома, потому что у нас спокойно – я всё время нахожусь у Славки с Римкой, мне там интереснее. Мама вместе готовят салаты на кухне, вместе носят бельё в прачечную на выходных, вместе ходят в кино по ночам. Эти ночные уходы я ненавижу, и люблю одновременно. Ненавижу, потому что в этом «кино» есть какая-то недоговорённость и тайна. Когда я спрашиваю: «Как называется фильм?», мама цокает языком и говорит: «Неужели, я не имею права сходить в кино, не отчитываясь ни перед кем?» Я не понимаю, чем вызвана такая реакция на невинный вопрос. Порой мне даже кажется, что мама врёт, и на самом деле ходит куда-то туда, о чём мне знать не положено. Я и не хочу, потому что боюсь узнать что-нибудь такое, с чем потом будет тяжело жить. Это взрослым кажется, что ребёнку не может быть тяжело. Очень даже может. Мне так было совсем недавно, когда к маме в гости пришёл дядька в форме. Когда он появился на пороге, я подумала, что это милиционер, который хочет посадить маму в тюрьму. Помню, как у меня затряслись ноги, и занемел язык. Я готова была сама сесть в тюрьму, чтобы не видеть испуганного лица мамы. Но мама не испугалась – она, улыбаясь, завела милиционера в комнату, сварила ему кофе. Дядьку звали Аликом, оказалось форма на нём не милицмейская, а солдатская. Солдат Алик. Дурацкое имя для мужчины. У нас в саду в младшей группе был Алик Пономаренко, всегда писался во время тихого часа. Я презирала ссыкуна Алика, и солдата Алика тоже стала презирать. Не только из-за имени. Просто моя мама – только моя, и никакие мужчины не должны ходить к ней в гости. Женщины пусть ходят, а мужчины нам с мамой не нужны. Я не могу этого объяснить, но, когда вижу маму рядом с незнакомым дядькой, я, как собака, чувствую опасность. Может, у дядек и нет мыслей о том, как обидеть мою маму, но это ощущение возникает даром. Даже по телевизору говорили, что дети всегда чувствуют опасность. А я – дети, поэтому своему чутью доверяю.

Так вот, мамы уходят в кино и велят нам ложиться спать после «Хрюши», но мы с друзьями в такие дни «Хрюшу» даже не смотрим. Надо быть круглыми дураками, чтобы никак не воспользоваться ночным отсутствием взрослых дома. Когда стихают голоса и звуки телевизора за дверью у Зубовых, когда жители соседней секции перестают хлопать дверями туалета, и шуметь душем, когда вечная соня – Римка засыпает в халате на не разобранный диван, мы

с её братом и маленькой Оксанкой идём в умывальник – пробовать соседскую пасту. На нашей стороне все пасты мятные и противные, а вот обитатели параллельной секции чистят зубы клубничными и малиновыми пастами. Мы, озираясь, едим их из тюбиков, как космонавты в полёте. Потом идём в кладовку, замок на её двери можно открыть невидимкой. В кладовке все вещи – общие. Не в том смысле, что пользоваться ими может любой, а в том, что только взрослые знают, где, чей компот и где, чей мешок картошки в этом бардаке. Бардак высотой с человеческий рост. Если быть точнее, с мой рост. Но я ведь и есть человек, хоть и не такой высокий, как мама. Мы залезаем на «бардак», прикрытый чьим-то стёганным одеялом, и смотрим из кладовки сверху вниз. Славка нащупывает под собой что-то твёрдое, тянет. Достает куклу без руки и без глаз. Маленькая Оксанка пугается и плачет. Мы тихо хохочем, прикрывая рты ладошками. Громко смеяться ночью нельзя, если кто-нибудь из взрослых расскажет нашим мамам, что мы не легли спать после «Спокойной ночи», нас сильно влетит.

После кладовки мы идём на балкон. Там холодно и темно. На балконе нужно быть особенно осторожными, потому что с него видна остановка, освещённая фонарями, и мамы, возвращаясь из кино, легко могут увидеть нас, хоть мы и высоко. Оксанка спотыкается ногой о чью-то жёлтую коробку с копчёной или вяленой рыбой. Эту рыбу продают недалеко от нашего дома, в магазине «Океан».

– Чья? – спрашивает Оксанка.

– Не знаем, – мы со Славкойжимаем плечами. Рыба в коробке летит с балкона, сопровождаемая нашим сдвинутым смехом.

Напротив нас – на балконе шестого этажа соседской общаги стоит девочка с бантом, как у Мальвины. Видимо, её мама тоже ушла в кино. Славка швыряет в девочку луковицей. Мальвина закрывает дверь и скрывается на тёмной кухне, но мы видим её бант через стекло. Делаем вид, что ушли, а сами сидим вприсядку и выжидаем. Девочка возвращается на балкон с обыскалкой.

– Не долетит, – шепчет Славка, – я уже пробовал.

Мы смело встаём и продолжаем обстрел Мальвины луковичками Зубовых. Девочка машет обыскалкой и руками, но вода дождиком льётся на асфальт внизу.

– Гляди, гляди – колдует, – смеётся Славка и машет руками, передразнивая девчонку.

Оксанка капризничает, потому что замёрзла и хочет спать.

– Иди, давай, – говорю я грубо, потому что Оксанка – малявка, а с малявками можно не церемониться. И ещё потому, что знаю – укладывать её спать всё равно придётся мне, иначе завтра Оксанка расскажет тётке Люде и про пасту и про лук, и про рыбу, которую сама же выбросила с балкона. А тётя Люда иногда бывает очень злая, тогда она кричит и на нас со Славкой, и на наших мам. Правда, она быстро становится доброй, и даже извиняется – приносит печенье, и ириски к чаю. Наши со Славкой мамы на неё не обижаются, они называют её ласково «наша вреднюжка», и предсказывают ей на картах «ночное свидание». Оксанка тоже очень даже «вреднюжка», но мы на неё, так же, не злимся. Как можно злиться на маленькую смешную девочку, точь-в-точь похожую на Алёнку с шоколадки. Это сходство замечают все, даже незнакомцы. «Смотри, какая Алёнка пошла», – всегда говорят прохожие, указывая пальцем на нашу маленькую подружку. У Оксанки на полке стоит такая обёртка, вместо её портрета.

Как всё-таки хорошо иметь друзей, если бы не они, я бы не пережила маминых уходов. Не представляю, как бы я одна лежала в тёмной комнате, пытаюсь заснуть после «Спокойной ночи».

Ветрянка, дедушка Ленин и Джоконда над креслом

Капризная Оксана, заболела ветрянкой. Нам со Славкой было велено с больной не общаться. Два дня мы послушно убегали от неё по секции, смеясь, прятались в душе под тазами и корытами, закрывали двери кухни на швабру, доводя маленькую Оксану до истерики, но несмотря на всё это, сегодня и я, и Славка и Римка – все в зелёных точках. Мы очень довольны, потому что теперь всю неделю не будем ходить в сад, а ещё потому, что остались дома без родителей, а под присмотром первоклассницы Римки. За окном дует ветер – в саду, наверное, тихий час. Как здорово остаться дома, когда на дворе не выходной, а самый обычный будний городской день.

Мы со Славкой сидим у меня под столом, он, зажав нос, гнусавым голосом тётки, объявляющей поезда, рассказывает запретный стишок:

«Внимание, внимание, говорит Германия,
Сегодня под мостом поймали Гитлера с хвостом».

Я хохочу до слёз, и хотя из взрослых никого нет, из-под стола мы не вылезаем, потому что, когда рассказываешь такие стишки или рисуешь фашистский крест с ножками, повёрнутыми в одну сторону, за тобой следит дедушка Ленин. Он хороший и добрый, но за такие проделки может наказать сильнее взрослых. Никто не знает как именно, но ведь недаром в детском саду мы поём песенку

«Ленин всегда с тобой». У нас в актовом зале висит его портрет – лысый дяденька, в жёлтом пиджаке, шурясь, следит за каждым движением. Я произношу слова песни, и мне, действительно, кажется, что «Ленин в тебе и во мне».

Хорошо, что дома у нас нет его портрета, может быть поэтому, он и не наказывает нас со Славкой.

Хотя, лучше бы на меня смотрел дедушка Ленин, чем эта странная длинноволосая тётка с каким-то лысым и фальшиво-добрым лицом. Она висит прямо над моим креслом. Я боюсь её со дня нашего переезда. И перед тем как заснуть несколько раз поднимаю голову, проверяя в том ли положении, что и обычно, находятся её руки. Мне всегда кажется, что эта Мона Лиза, как называет её мама, живая, и полноправно живёт с нами на нашей территории. В какой бы дальний угол комнаты я не пряталась от её взгляда, она постоянно следит за мной. С этим очень тяжело жить, но невозможно ничего поделать. Поэтому, когда мамы нет, я стараюсь затыкать Моне глаза канцелярскими кнопками. Но оттого, что вместо зрачков у неё теперь дырочки, взгляд странной женщины не изменился. Вот и сейчас, сидя под столом, я по привычке бросаю мимолётный взгляд на портрет. И, о, ужас! Мона Лиза подмигивает мне дырявым глазом.

Я подхватываюсь, ударившись головой о крышку стола и стремглав бегу в комнату к соседям. Вечная соня – Римка спит, укрыв ноги красным стёганным одеялом без пододеяльника. Я залезаю к ней под одеяло.

– Ты чего? – Римка испуганно открывает глаза.

В комнату входит удивлённый Славка.

Весь оставшийся день мы втроем сидим на Римкином диване и слушаем страшилки про чёрную руку, душившую детей, про шаровую молнию, которая залетает в комнату во время дождя, про то, как, выключив свет в умывальнике, с помощью зубной пасты и зеркала можно вызвать дух пиковой дамы. Я не представляю, как после всего этого буду засыпать сегодня вечером. Римка делает страшное лицо и явно издевается над нами. Поняв это, я зажимаю уши руками и ору: «Я тебя не слушаю, посолю и скушаю». Славка, как самый смелый, периодически ходит в мою комнату за необходимыми вещами: за металлическим конструктором, за кубиком-рубиком. Каждый раз я дрожащим голосом спрашиваю у друга:

– Ну что она там?

– Сидит, – отвечает он со вздохом, снимая клетчатые тапочки.

Игра в больницу

Ветрянкой мы не отделались. На наш этаж залетел какой-то простудный вирус. И мы, ещё не успев отмыть с себя зелёнку, все как один, включая малолетнюю Оксанку, стали хрипеть и кашлять. К тому же у Римки заболело ухо. Она ходит в туалет в платке с подложенной к уху ватой, и распространяет за собой едкий запах лекарств. В руке она носит чёртика, сплетённого из капельницы. Я не знаю, что такое капельница, но таких прозрачных чёртиков и рыбок имеют дома все, кто хоть раз серьёзно болел. Я тоже хочу такого, но лежать в больнице не очень желаю, а подарить мне такую игрушку никто не хочет. Я слежу за Римкой из своей комнаты, в щёлочку приоткрытой двери. Подруга идёт с важным видом, будто у неё не больное ухо, а ранение, полученное на войне за Родину. Наши родительницы взяли больничные, теперь они целыми днями дома, и не пускают нас друг к другу. А чем ещё заниматься дома в тесной городской комнате, я не знаю. Здесь у меня даже не рисуется. Потому что, у меня нет своего большого стола с белой скатертью, как в деревне. И фломастеров всего пять штук, а альбом мама никогда не покупает. Вместо него даёт мне узкие желтоватые картонки с мелкими цифрами сзади. «Рисуй на перфокартах, – говорит она, – Какая тебе разница?» А мне очень большая разница, но я не могу объяснить этого маме. Мне очень скучно, я в четвёртый раз прошу поставить мне пластинку «Денискины рассказы». Маму это злит и мешает смотреть «В мире животных». Я с сожалением кладу пластинку на место и заматываю пупсику Олесе голову платком. У неё болит ухо. Я беру настоящий стеклянный шприц без иголки с циферками на боку, набираю из баночки

воду, смешанную с краской, и делаю пупсу укол в ухо, вода стекает мне на руки, я кладу Олесе на голову кусочек ваты, заматываю платком-лоскутком. Вата промокает и по платку расплывается грязно серое пятно. Олеся выглядит больной и жалкой. Этот шприц я нашла во дворе. Им когда-то делали настоящие уколы. А потом мы с Римкой и Славкой, закрывшись в большом коридоре и выключив свет, делали друг другу этим шприцом уколы через колготки. В дверь ломилась противная Оксанка и ревела, что мы не пускаем её в игру. А потом нас отругала тётя Люда – Оксанина мама, которая из-за нас не могла пройти в кладовку за компотом. Я мечтаю найти шприц-пистолет, похожий на тот, из которого нас делали прививки в садике. Удивительная штука. Помню своё ощущение, когда нас на тихом часе в трусах и майках выстроили в ряд, и пришла медсестра с таким чудо-шприцом. Никто не закричал, но я знаю, что все были уверены, что нам сейчас что-нибудь отстреляют. Я слышу, как за стеной стонет Римка, наверное, ей тоже делают укол. Днём Мама принесла из аптеки две пачки белых аскорбинок, завернутых по несколько штук в бумажку, как конфетки. Дала мне одну таблетку. Я хочу ещё, но детям дают по одной в день. Я открываю холодильник и вижу вкусные витаминки сбоку на дверце. Стою и размышляю, заметит ли мама, если я возьму ещё одну. Я уже так делала, когда незадолго до восьмого марта случайно обнаружила в холодильнике за кастрюлями бумажный пакет конфет в синих, с медвежатами, обёртках. Мама не замечала, как я вытаскиваю их по одной или по две штучки. Когда я поняла, что могу не удержаться и съесть всё, а мама, скорее всего, о конфетах просто забыла, я спросила её, будто бы невзначай:

– А что это за конфеты у нас в холодильнике?

И она ответила, что это тётины Ленины конфеты. Я удивилась, что делают конфеты Славкиной мамы в нашем холодильнике, но таскать чужое совесть мне не позволила. А на восьмое марта мы с мамой за день вдвоём съели все оставшиеся «тётины Ленины» конфеты. Тогда я поняла, что взрослые тоже обманывают.

Вечером мама поставила мне банки на спину, и я долго-предолго лежу на животе, обмениваясь взглядом с Моной Лизой. Справа от меня за стеной, чтобы не стать двоечницей во время болезни, Римка громко и с плачем учит алфавит. Слева надрывно ревет Оксанка. Когда

же это мучение закончится? Я так хочу поиграть в коридоре, повыжигать человечков Славкиным выжигателем, наделать мыльных пузырей в умывальнике, и попускать их с балкона. А мама, вместо этого, засыпает горчицы в связанные Нянькой носки, и надевает мне на ноги. А потом несёт мне горячее молоко с мёдом. Я терпеть не могу городское горячее молоко. Я представляю его вкус и чувствую, что меня сейчас вырвет. Я плачу и говорю об этом маме. По обе стороны от меня в один голос режут мои друзья. Видимо их тоже усердно лечат. Мама не верит, что меня тошнит от молока, и раздражённо заставляет пить его. Я пью, захлёбываясь тошнотворным запахом и слезами. Хочу в деревню!

Мне теперь не до игрушек...

Маринка стащила у себя из кухни спички. Мы жжём их в терновых кустах. Я очень боюсь, что узнает дедушка. Он тогда расстроится, потому что только недавно мы с ним читали рассказ о девочке, которая, играя с огнём, подожгла дом, и потом долго беседовали на тему «Спички детям не игрушка». Я боюсь, но ничего изменить не могу – не хочу, чтобы подруга заметила мою трусость. А, если уж совсем честно, жечь спички – весьма увлекательно. Да и вряд ли в этих зарослях кто-нибудь нас найдёт. Это место, поросшее полынью и кожушками, знаем только мы с Маринкой. Мы бегаем сюда во время игры в прятки, или чтобы покакать под лопух. Главное не дотрагиваться руками до жёлтых цветков – куриной слепоты, потому что, если потом такой рукой потереть глаза, сразу ослепнешь. Правда, я никогда не слышала, чтобы кто-то из знакомых стал незрячим по вине цветочков, но Маринка знает много таких случаев. Маринка старше меня на два месяца, и поэтому я ей всегда верю и делаю то, что она скажет. Она часто повторяет, что «старших нужно уважать», а бабушка утверждает, что Маринка села мне на шею. Я, как могу, заступаюсь за подругу, потому что она мне нравится. У неё над голубыми глазами светлая чёлка до бровей, а ногти покрашены розовым лаком. Это красит двоюродная сестра Анька. У меня нет старшей сестры, но я тоже хочу себе розовые ногти. Маринка отдирает кусочек лака с большого пальца и прикладывает мне на жёлтый от сока чистотела кончик мизинца.

В этом году Маринка станет ученицей. А моя судьба ещё неизвестна.

– Я пойду в школу в шесть лет, а через неделю мне уже будет семь, – объясняет мне подруга, – А тебе будет семь только в ноябре. Поэтому ты пойдёшь в первый класс на следующий год.

Я ничего не смыслю в этой арифметике, и не понимаю, почему Маринка, которая ниже меня на целую голову, идёт в школу, а я не иду.

– Пойдёшь ты в школу, внуча, не переживай, – дедушка гладит меня по голове, – не возьмут в городскую, пойдёшь в нашу. Дедушка называет школу «наша», потому, что работал там много лет и учил всех теперешних учителей. Я успокаиваюсь – действительно, как учителя «нашей» школы могут послушаться дедушку.

В пятницу вечером мы на москвиче едем встречать мою маму в Прохоровку. Я люблю ездить в районный центр. Там есть магазин «Детский мир». Правда, прежде чем попасть туда, я должна терпеливо ждать в машине пока дедушка сходит на почту, в общество ветеранов, в «Хозтовары» и туда, где выдают красные газовые баллоны с белой надписью Пропан, для печки на летней кухне. Это всё тянется бесконечно долго, но зато потом в отделе игрушек мне обязательно что-то покупается: кукольная посудка или больничка или, если повезёт, новая кукла с пушистыми ресницами. Собственно из-за этих ресниц, дедушка и отказывается покупать мне кукол. Почему-то, я никогда не могу удержаться, чтобы не остричь эти блестящие ниточки ножницами. А потом заодно стригу и волосы, удивляясь, что у всех кукол они растут пучками.

– Сколько их у тебя на чердаке, и все стриженные, как солдаты, – качает дедушка головой. И достаёт кошелёк. Я радуюсь, обещаю, что больше не буду заниматься парикмахерским делом, и в том момент, действительно верю сама себе.

Мой дедушка очень добрый. По Прохоровке мы всегда ходим с большими авоськами покупок. А потом ещё полтора часа ждём электричку, и в машине пахнет свежим хлебом, которым забита белая сумка на заднем сиденье. Эту сумку бабушка сшила из мешка, а ручки обшила широкой синей тесьмой, которую нам привозят родственники из Харькова. Из этой же тесьмы я делаю кофточки пупсикам.

Я обожаю момент прихода электрички: дедушка смотрит на свои наручные часы и торжественно сообщает:

– Пора.

Пока он замыкает машину, я бегу на перрон.

– Электричка, следующая до станции Ржава, прибывает на первый путь второй платформы, – раздаётся громкий, с эхом, голос невидимой тётки.

После этого минуты идут очень медленно. И вот, наконец, из-за поворота появляется зелёная морда состава.

– Тудух-тудух, – говорит электричка, и обдувает нас ветром. Мы с дедушкой скользим взглядом по мелькающим мимо нас окнам. Вон она, мама, в красной блузке выглядывает из окошка и едет в сторону моста.

– Протянууул, – тоже протяжно констатирует дедушка.

И я бегу в ту сторону, куда вагон «протянул» мою маму.

– Ш-ш-ш, – открываются двери тамбуров и оттуда высыпаются люди. Вон тётя Тоня – Анькина мама. Вон дядя Серёжа, он живёт около магазина. А вон и моя мамочка, самая – самая красивая.

– Приняли, – объявляет мама в машине, – еле добилась, так что, ты тоже осенью идёшь в первый класс.

Я заметила, что моя мама всегда бьётся. Что-то выбивает, чего-то добивается. Конечно, это хорошая новость, но я с большим удовольствием пошла бы в «нашу» школу.

– Ты привезла мне игрушку? – спрашиваю я вместо того, чтобы выразить радость.

– Какие тебе теперь игрушки? Ты же в школу собралась, – улыбается мама.

Ну, вот тебе раз! Какие, оказывается, серьёзные последствия несёт за собой новая жизнь.

«В первый погожий сентябрьский денёк...»

В воздухе стоит запах гладиолусов, астр и яблок. На мне коричневое с белыми манжетами, которые вчера мы пришивали вдвоём с мамой, платье, белый фартук и огромные банты. Мы торжественно идём по улице, и все прохожие улыбаются мне.

– Как бы под дождь не попасть, – мама задумчиво смотрит на синеющую впереди тучу.

Мы ускоряем шаг, и попадаем под этот самый дождь, уже проходя по школьному двору. Долго давимся на крыльце среди совершенно одинаковых девочек в бантах и мальчиков в синих костюмах с пластиковой открытой книжечкой, пришитой на рукаве.

– Линейка в спортивном зале, все в спортивный зал, – громко кричит какая-то тётя с красной повязкой на руке. Мы ищем спортивный зал, вернее мама ищет, а я смотрю под ноги и на свой букет – боюсь, что толпа испортит мои босоножки с бабочкой или отломит сиреневую головку астры.

В голубом зале, с расчерченным белой краской полом, тоже шум и столпотворение. Я улавливаю, что народ стоит небольшими группами, из центра каждой кучки людей торчат таблички на палке: 1А, 1В, 1Ж. Мама подталкивает меня к табличке 1Е и теряется в толпе. Я верчу головой и чувствую, как цепляюсь за что-то бантом.

– Осторожнее, детям причёски испортишь, – хохочет сзади меня какой-то дядя в таком же, как у первоклассников костюме с книжечкой.

Мне почему-то становится за него стыдно и хочется поскорее домой. Зачем я так рвалась в эту школу? Сидела бы сейчас в деревне слушала бы Нянькины сказки про петушка, который пошёл за орехами и про грушевое дерево. От воспоминаний о спокойной, тихой жизни в деревне у меня к горлу подкатывает комок, я смотрю в спину, стоящую впереди, на ней крестиком лежат белые полосочки от фартука. А у меня полосочки лежат ровно по плечам и всё время спадают.

Посередине зала происходит что-то скучное: долго и непонятно выступают какие-то люди. У меня устали ноги от стояния, и руки от тяжёлого букета. Потом дядя, который зацепил меня за бант, берёт на руки девочку из-под таблички 1А, и сажает себе на плечо, у неё в руках колокольчик, такой же, каким мы с дедушкой играли в школу, когда он учил меня читать. Девочка машет этим колокольчиком, и все дети, мимо которых проходит эта оглушительно-звонящая пара, зажимают уши ладонями. Я тоже зажимаю и смеюсь вместе со всеми. Хотя мне совсем не хочется смеяться. Но, все так делают, наверное, так надо.

После линейки учительница в очках строит нас по парам, и ведёт по ступенькам вверх. Со мной в паре девочка с двумя хвостиками.

– Как тебя зовут? – спрашивает она.

Я называю своё имя. Получается очень тихо. Кажется, она не расслышала, но кивает и говорит, что её зовут Жанна. Я кошусь на её жидкие светло-коричневые хвостики, веснушчатый нос и решаю, что на роль подруги Жанна не годится. Моя Маринка сейчас, наверное, тоже идёт в паре с какой-то незнакомой девочкой. А вдруг эта девочка ей понравится больше, чем я?

Возле класса, в толпе взрослых, я вижу свою маму. Я порываюсь к ней, но она машет мне: «Иди, иди», и я прохожу мимо своей родной мамы за неизвестной мне учительницей с незнакомой девочкой за руку. Мне не нравится в школе. Я очень устала от этой суеты. Я не выдержу десять лет такого мучения.

В классе мы нестройным хором повторяем за учительницей:

«С чего начинается родина,
С картинки в твоём букваре...»

Я сначала повторяю вместе со всеми, а потом понимаю, что всё равно не слышу себя, и тогда я просто шевелю губами. А учительница не замечает и улыбается:

«С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе...»

Оказывается в школе не всё так сложно, и так легко можно перехитрить взрослую и умную тётю.

«В школьное окно смотрят облака, Бесконечным кажется урок...»

Сегодня я дежурная в столовой. Повариха в белом, как у врача, колпаке, половником наливает суп из огромной кастрюли с красной надписью «Первое». А мы с одноклассником Вовой расставляем тарелки на длинные столы. В другой такой же кастрюле компот из сушёных яблок, а на подносе розовой пахучей горкой лежат половинки сосисок. В столовой пахнет тушёной капустой.

Пронзительно и длинно трещит звонок, и тут же сверху раздаётся топот и звон голосов. Всё это неумолимо приближается, усиливая громкость. В нашу с Вовой обязанность входит проверять на входе, все ли помыли руки. Я боюсь стоять на входе, потому что недавно одного дежурного мальчика снесла точно такая толпа. Я стою, спрятавшись за угол, и первоклассники из А-класса с немывтыми руками бегут мимо меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.